

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЦИФРОВОЕ ПРАВО ОТРАСЛЬЮ ПРАВА И ОЖИДАТЬ ЛИ ПОЯВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО КОДЕКСА?

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется динамика развития законодательства, связанного с информационными технологиями, и анализируется сущность цифрового права. Основываясь на анализе российских научных работ, автор делает вывод об отсутствии необходимости в создании цифрового кодекса.

Термин «цифровое право» довольно часто мелькает в дебатах и выступлениях. Но российские юристы не могут четко определиться с предметом регулирования данного права, затрудняются в определении охватываемой им сферы. Вследствие этого в отечественных публикациях встречаются призывы отказаться от использования термина «цифровое право» как ненужного или ненаучного. На мой взгляд, для отказа от его употребления нет серьезных оснований, но надо четко понимать, что оно охватывает.

Что такое цифровое право?

Прежде всего, хотелось бы заметить, что появление интернета, являющегося ничем иным, как информационной технологией, оказало и продолжает оказывать колоссальное воздействие буквально на все сферы отношений, традиционно подвергающиеся правовому регулированию.

В связи с этим нельзя не вспомнить известное высказывание американского юриста Роберта Дж. Амброги, в начале 2000-х написавшего: «Интернет породил свою собственную сферу права. Интернет-право – это динамичная, гибкая и неизведанная область практики, где правила еще не определены окончательно. На самом деле это даже не отдельная область права, фактически это смесь теории и практики, взятых из различных сфер, – мешанина из частей, взятых из интеллектуальной собственности, гражданских свобод,

деликтного, уголовного, имущественного, телекоммуникационного, международного торгового, коммерческого и коллизионного права» [1, p. 139].

Таким образом, в зарубежной юриспруденции интернет-право изначально рассматривалось не как самостоятельная отрасль права, а как некая совокупность разнонаправленных правовых норм и институтов, относящихся к различным отраслям (областям) права и регулирующих отношения, которые так или иначе связаны с интернетом.

Такое понимание сохраняется и поныне. И сегодня зарубежные юристы отмечают, что в отличие от всех других отраслей права интернет-право не является конкретной, стабильной и надежной областью практики и охватывает собой принципы и правила из ряда различных отраслей [2], включая, в частности, сферу гражданских свобод, договорное право, законодательство об интеллектуальной собственности, об информационной безопасности, о защите прав потребителей и проч.

В связи с этим не вызывает удивления содержательная многоаспектность книг, посвященных проблематике интернет-права.

Так, работа “Internet Law and Regulation” [3] состоит из глав «Авторские права, патенты и конфиденциальная информация», «Товарные знаки и доменные имена», «Диффамация», «Ответственность и защита контента», «Принудительное исполнение и трансграничная ответственность», «Защита данных», «Регулирование связи и вещания», «Договоры между интернет-провайдерами, владельцами контента и другими», «Электронные договоры и сделки», «Платежные механизмы для интернет-торговли», «Запрещенные и регулируемые виды деятельности», «Налоги», «Конкурентное право и интернет».

В свою очередь монография “Internet Law: Cases & Problems” [4], в которой внимание акцентируется скорее на публично-правовых аспектах отношений, связанных с интернетом, содержит главы:

«Юрисдикция» (включая вопросы киберпространства, территориальности, правоприменения), «Риторика (речь)» (включая вопросы опасной риторики, порнографии, фильтрации контента), «Приватность» (включая вопросы свободы и безопасности в меняющемся мире, прослушивания телефонных разговоров, национальной безопасности, анонимности, конфиденциальности потребителей, международного регулирования защиты данных), «Доступ к компьютерам» (включая вопросы заключения контрактов и неправомерного использования компьютеров), «Товарные знаки и доменные имена», «Авторские права» (включая вопросы исключительных прав, лицензий, добросовестного использования, ответственности, управления цифровыми правами), «Патенты», «Частная власть» (включая вопросы антимонопольного законодательства, сетевого нейтралитета, телекоммуникаций), «Вне интернета» (включая вопросы виртуального имущества, дефектного программного обеспечения, 3D-печати).

Следует заметить, что в зарубежной литературе наряду с термином «интернет-право» изначально использовались и термины «киберправо» (Cyber Law), «право киберпространства» (Cyberspace Law), «веб-право» (Web Law), «компьютерное право» (Computer Law).

В некоторых публикациях можно обнаружить попытки обоснования различий между этими разновидностями объединений правовых норм и институтов. Но, как свидетельствует содержание монографий исследуемой тематики, разница между ними объясняется скорее научными предпочтениями или сферой интересов их авторов, нежели основывается на глубоких доктринальных разработках. Например, 1500-страничный труд “Computer Law: Drafting and Negotiating Forms and Agreements” [5] (первоначально выпущенный в свет в 1984 году и неоднократно переизданный) посвящен вопросам приобретения технических средств, лицензирования, техобслуживания программного обеспечения (далее – ПО), антимонопольного законодательства, защиты авторских и патентных

прав, коммерческой тайны ПО, интернета и электронных коммуникаций, регистрации доменных имен, заключения контрактов на поставку компьютеров, аутсорсинга, публикации ПО, электронных платежей и др. А в монографии “Cyber Law: The Law of the Internet” [6] разбираются связанные с интернетом аспекты авторских прав, товарных знаков, диффамации, приватности, уголовной ответственности, электронных контрактов и цифровой подписи, гражданских прав, налогового бремени, хищения информации, доказательств и проч.

То есть (как и интернет-право) киберправо, право киберпространства, компьютерное право представляют собой не самостоятельные отрасли права, а совокупности разноплановых правовых норм и институтов, относящихся к различным отраслям (областям) права, объединяемых в каждом случае в соответствии с субъективными критериями и поставленными задачами.

Примечательно, что при сложившемся понимании интернет-права (и иже с ним) как микса из разнообразных правовых норм и институтов, в юридической среде, как водится, сформировались принципиально расходящиеся позиции по вопросу законодательного регулирования отношений, связанных с интернетом. То есть произошло разделение юристов на два лагеря – тех, кто считал, что существующее законодательство с небольшой корректировкой может распространяться и на отношения, возникающие в интернете, и тех, кто настаивал на том, что такие отношения являются принципиально иными, требующими разработки самостоятельных законов.

Йован Курбалия весьма выразительно обозначил первый подход как «реальный» («новое вино в старые мехи»), второй – как «киберподход» («новое вино в новые мехи») [7, с. 22], причем впоследствии в обновленной редакции своей книги «Управление интернетом» специально подчеркнул, что «реальный» подход находит больше сторонников, нежели «киберподход» [8, с. 33].

На мой взгляд, для формирования принципиально различающихся позиций здесь нет оснований. Интернет-право, киберправо и проч. основываются на миксе из, во-первых, традиционных правовых институтов, которые в целом не меняются под воздействием интернета, но нуждаются в некоторых дополнительных нормах или толковании применительно к интернету (таких, как, например, заключение договора посредством e-mail, купля-продажа товаров посредством интернета и проч.), и, во-вторых, новых правовых институтов и положений, появившихся и развившихся именно в связи с интернетом (в частности, законодательство об информационной безопасности, телекоммуникациях и т.д.). Следовательно, в отношении традиционного законодательства успешным будет использование «реального» подхода, тогда как принципиально новые отношения, связанные с интернетом, бесспорно, требуют разработки нового законодательства в полном соответствии с «киберподходом».

Важно обратить внимание на следующее: в определенный момент стало очевидным, что влияние технологий на право не ограничивается исключительно интернетом – значимыми для права могут оказаться разнообразные информационные технологии. При этом понятие «информационные технологии» в широком смысле употребляется для обозначения вычислений, под которыми в рассматриваемом контексте понимаются не расчеты и подсчеты, а «проектирование и создание аппаратных и программных систем для широкого спектра целей; обработку, структурирование и управление различного рода информацией; проведение научных исследований с использованием компьютеров; обеспечение интеллектуального поведения компьютерных систем; создание и использование средств связи и развлечений; поиск и сбор информации, относящейся к какой-либо конкретной цели, и т.д.» [9, р. 9]. В узком же смысле термин «информационные технологии» («информационно-коммуникационные технологии») используют для обозначения технологий, обеспечивающих доступ, хранение, поиск, передачу и манипулирование данными (информацией) и необходимых для

удовлетворения практических, повседневных потребностей бизнеса и пользователей.

В этих условиях получило развитие «право информационных технологий» (Information Technology Law, сокр. – IP Law, Technology Law, Tech Law). Но опять-таки речь шла не о новой самостоятельной отрасли права, а о совокупности разноотраслевых правовых норм и институтов, регулирующих отношения, так или иначе связанные с применением различных информационных технологий, включая, разумеется, интернет.

Например, в книге “Information Technology Law” [10] во главу угла поставлен именно интернет и связанные с ним вопросы электронной торговли, защиты данных, национальной безопасности, диффамации, распространения вирусов, виртуальные игры, но много внимания уделяется положениям законодательства, регулирующего область информационных технологий, а также уголовного права, права интеллектуальной собственности, договорного права.

На фоне такого изобилия терминов, фактически обозначающих одну и ту же сущность, – интернет-право, киберправо, право киберпространства, компьютерное право, право информационных технологий – введение в правовой обиход еще и понятия «цифровое право» (Digital Law) может показаться излишним. Но его появлению можно найти объяснение.

Современные информационные технологии по способу представления информации подразделяют на аналоговые и цифровые. Причем цифровые технологии не просто в силу ряда преимуществ более востребованы, чем аналоговые, – сегодня признается, что именно цифровые технологии формируют экономику [11, с. 11], а к числу знаковых цифровых технологий отнесены, в частности: интернет вещей; искусственный интеллект; аналитика больших данных; технология распределенного реестра, включая блокчейн; криптовалюта; виртуальная реальность; дополненная реальность; 5G; облачные вычисления. Поскольку право является имманентной

частью экономики, закономерно заключить, что развитие, внедрение и использование цифровых технологий будет оказывать серьезное влияние на право, затрагивая большинство отраслей.

Изложенное, на мой взгляд, свидетельствует о допустимости употребления термина «цифровое право», который, строго говоря, не является новым [12]. Но надо учитывать, что цифровое право – это уже не прежний набор правовых норм и институтов, характерный для интернет-права: интернет-право теперь становится лишь одной из составляющих цифрового права. Кроме того, внедрение и использование цифровых технологий требует не только правовой регламентации, но и технического, и этического регулирования, что должно учитываться при разработке нормативно-правовых положений.

Резюмируя, можно заключить, что *цифровое право следует понимать как совокупность правовых норм и институтов, регулирующих разнообразные отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий, но эти нормы не объединены единым методом регулирования и относятся к различным отраслям права*. Причем цифровое право представляет собой динамично расширяющееся правовое образование: на сегодня оно охватывает, в частности, проблематику электронных платежей, электронных и мобильных денег, электронного банкинга, защиты прав потребителей на платежных рынках, искусственного интеллекта, аналитики больших данных, конкурентных отношений в эпоху больших данных, блокчейна, криптовалюты, смарт-контрактов, цифровой идентификации и аутентификации, конфиденциальности, пересечения законодательства о конкуренции и интеллектуальной собственности, поисковых систем, уберизации, цифровизации интеллектуальной собственности, электронных доказательств, международной торговли и цифровой торговли, электронных услуг, интернет-платформ, цифровых товаров, управления контрактами, национальной безопасности, глобальных потоков данных, договорных отношений и условий контрактов, незаконного присвоения интеллектуальной собственности, защиты коммерческой тайны, авторских и смежных

прав, прав на товарные знаки, доменных имен и ip-адресов, патентных прав, лицензирования, переговоров и заключения договоров в электронной форме, киберспорта, программного обеспечения, азартных игр, геномов, телемедицины и данных о здоровье, баз данных и контента, распределения рисков, управления и обслуживания сети, диффамации, кибербуллинга, уголовной ответственности за киберпреступления, онлайн-сервисов, агрегаторов, онлайн-арбитража и онлайн-посредничества, налогов и проч. [13]

Обратившись к российской правовой действительности, нельзя не вспомнить сохраняющееся в отечественной системе права жесткое структурирование правовых норм по отраслевому признаку. Согласно сформировавшейся в доктрине позиции отрасль права представляет собой подсистему правовых норм, которые имеют предметное единство, регулируя определенную сферу отношений, предусматривают единые методы регулирования и в совокупности составляют значительную по объему правовую общность. При таком подходе цифровое право сложно признать самостоятельной отраслью права, учитывая очевидную неоднородность регулируемой сферы и разнообразие используемых методов регулирования.

Последнее обстоятельство, по всей видимости, не позволило в свое время интернет-праву, киберправу или IT-праву полноценно встроиться в систему российского права. Как и цифровое право сегодня, они не рассматривались в качестве самостоятельной отрасли права в силу отсутствия единых предмета и метода правового регулирования [14].

Вместо этого развитие получило *информационное право*. Оценивая его в качестве отрасли права, нельзя не заметить довольно невнятный предмет регулирования, неочевидность единства метода правового регулирования, а также весьма далекий от совершенства основополагающий отраслевой акт – 18-статейный Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Характеризуя последний, обычно отмечают, что он содержит основные понятия (но не регулирование), относящиеся к информационной и телекоммуникационной сфере. К сожалению, это

не помешало названному Закону стать узловым для правового обеспечения цифровой экономики, вследствие чего законодательные новации, касающиеся цифровых технологий, требуют сопряжения с положениями этого Закона.

Сложившаяся ситуация, на мой взгляд, нуждается в исправлении. Но может ли она быть поправлена посредством введения Цифрового кодекса?

Возможен ли Цифровой кодекс?

Развитие и внедрение новых цифровых технологий требует новаций действующего законодательства. Причем работа по правовому обеспечению использования одной технологии способна обнажить множество пробелов и несовершенств в существующих законах, относящихся к разным отраслям права, а то и выявить потребность в создании специального правового регулирования. Самым показательным примером данного утверждения будет, вероятно, технология распределенного реестра, потребовавшая правовой регламентации отношений по поводу краудфандинга, криптовалюты, смарт-контрактов, цифровых финансовых активов, майнинга, ICO, токенов и т.д.

В свое время для целей комплексного решения проблем в телекоммуникационной сфере был предложен к разработке и активно обсуждался концепт Инфокоммуникационного кодекса [15; 16], позднее была озвучена идея создания Цифрового кодекса [17]. Сейчас дискуссии по этому поводу поутихли, но нельзя исключить того, что вопрос снова будет поставлен в повестку дня. Поэтому надо разобраться, насколько реалистичен сценарий разработки Цифрового кодекса.

В условиях отраслевого деления российского законодательства¹ деятельность по кодификации нередко рассматривается как требующая осуществления в строго обозначенной отрасли права. При

¹ См.: Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 «О классификаторе правовых актов».

этом отраслевое строение права издавна является предметом серьезных научных дискуссий.

В. К. Райхер, еще в 1947 году выдвинувший идею существования основных и комплексных отраслей права, подчеркивал, что комплексные отрасли права должны соответствовать следующим условиям: «Во-первых, необходимо, чтобы совокупность правовых норм была адекватна определенному и специфическому кругу общественных отношений, т.е. сначала имела бы в этом смысле единый и самостоятельный предмет регулирования, а следовательно, и предметное единство. Во-вторых, регулируемый такой совокупностью норм специфический круг отношений должен обладать достаточно крупной общественной значимостью. В-третьих, образующийся такой совокупностью нормативно-правовой материал должен отличаться достаточно обширным объемом» [18, с. 189-190].

Эта идея вызвала бурное обсуждение в научных кругах.

Так, Ю. К. Толстой, поддержавший идею В. К. Райхера, отмечал, что комплексные отрасли права в отличие от основных никакого места в системе права не занимают, а им отводится лишь условное место в зависимости от целей систематизации при систематике норм [19, с. 45; 20, с. 12]. Причем Ю. К. Толстой, разграничивая основные и комплексные отрасли, подчеркивал, что основная отрасль обладает предметным единством, а комплексная регулирует разнородные отношения; основные отрасли не включают нормы других отраслей права, тогда как комплексная отрасль как раз состоит из норм различных (основных) отраслей права; каждой основной отрасли присущ свой специфический метод регулирования, а применительно к комплексной можно говорить об использовании методов регулирования разных отраслей права [20, с. 12].

В свою очередь С. С. Алексеев изначально выступал против выделения комплексных отраслей права: «Если оставаться в пределах фактов реальной действительности, если, следовательно, не

заниматься произвольным конструированием комплексных отраслей, то нельзя не признать, что все те совокупности норм, которые в литературе причислялись к комплексным отраслям (транспортное право, морское право, страховое право, банковское право и др.), на самом деле не являются подразделениями объективно существующей системы права. Все они относятся либо к отраслям законодательства, либо к отраслям правовой науки» [21]. Однако затем он изменил свою позицию, высказавшись за допустимость выделения и возможность сочетания основных (первичных) и комплексных (вторичных) отраслей права, и согласившись с тем, что использование категории комплексной отрасли права «позволяет осветить механизм воздействия на систему права субъективного фактора, развития законодательства» [22].

Впоследствии дискуссия утратила свою остроту, а вопрос существования комплексных отраслей права долгое время не получал развития. Но, по сложившемуся мнению, под основными (главными, профилирующими) отраслями права следует понимать, в частности, гражданское, административное, уголовное право, под комплексными (специфическими) – предпринимательское, банковское, морское, конкурентное и т.д.

В современной литературе в качестве превалирующей была обозначена следующая позиция: «...комплексная отрасль права должна содержать в себе предметное ядро, т.е. такие общественные отношения, которые, хотя и регулируются нормами основных отраслей права, но однозначно нельзя сказать, что они принадлежат первичным отраслям, а обладают консолидирующим началом предметного свойства... Нормы, регулирующие эти правоотношения, принадлежат различным отраслям права и, наряду с этим, объединяются в новую правовую общность, которая не является механическим объединением разнопорядковых норм, а приобретает внутреннюю взаимность, системность и качество, начинает

функционировать с позиции принципов, категорий и понятий новой отрасли права» [23].

В то же время общепризнанным является выделение наряду с отраслями права и отраслей законодательства. Отличие первых от вторых состоит в том, что вторые формируются независимо от используемого метода регулирования, но с учетом общего предмета регулирования, объединяя в себе нормы законов и подзаконных актов одной или нескольких отраслей права.

Отрасли права (как основные, так и комплексные) могут совпадать с отраслями законодательства: это видно на примере гражданского, уголовного, трудового, антимонопольного права. Но нередко отрасли законодательства формируются на базе определенных нормативных подразделений (подотраслей, правовых институтов) основных отраслей права с добавлением близких по содержанию правовых норм из других отраслей права: в качестве примера может быть приведено банковское законодательство в системе норм финансового права. Еще один случай – комплексные отрасли законодательства, возникающие в связи с необходимостью взаимоувязанного регулирования в той или иной сфере и включающие нормы различных отраслей права – как правило, речь идет о сфере государственной деятельности, например образовании, здравоохранении или обороне.

Как указывалось, цифровое право включает нормы различных отраслей (регулятивные, императивные, охранительные) и не отличается собственным специфическим методом правового регулирования (используются метод власти и подчинения, метод равенства, обязывания, запретов и дозволений), что препятствует признанию его комплексной отраслью права. Но вместе с тем здесь можно усмотреть общую сферу правового регулирования – регламентации подлежат общественные отношения, возникающие по поводу внедрения и использования цифровых технологий, то есть внедрение и использование цифровых технологий является связующим предметным ядром вновь создаваемых правовых норм.

При этом, как уже отмечалось, цифровое право складывается из норм, относящихся как к основным отраслям права (гражданское, административное, уголовное), так и к специальным, комплексным отраслям (банковское, антимонопольное законодательство, законодательство о связи, о персональных данных и проч.).

Выявив консолидирующее предметное начало, надо признать цифровое право комплексной (специфической) отраслью законодательства. В условиях стремительного развития этой чрезвычайно значимой отрасли, на мой взгляд, целесообразно заменить ею отрасль информационного права, тормозящую разработку актуального и эффективного законодательства.

В развитие сказанного следует признать, что современная российская доктрина подтверждает допустимость не только отраслевой, но и комплексной (межотраслевой) кодификации. Примерами последней являются, в частности, Кодекс торгового мореплавания, Воздушный кодекс, Устав железных дорог, Устав внутреннего водного транспорта и т.д.

При этом, несмотря на появление значительного числа кодификационных актов комплексного характера (комплексных кодексов), одни правоведы не считают правильным вывод, согласно которому комплексная кодификация пришла на смену кодификации в рамках существующих отраслей права, ссылаясь на следующее: «Общее число отраслей права... всегда меньше числа отраслей... которые служат предметом комплексных образований законодательства» [24, с. 35].

Другие же подчеркивают, что расширение практики принятия комплексных кодексов является одним из возможных путей современного процесса кодификации [25, с. 32].

Характерные особенности комплексных кодификационных актов (в отличие от отраслевых кодификаций) в отечественной доктрине не слишком разработаны, но подобные кодификации создаются с учетом

западных образцов и по своему духу гораздо ближе, в частности, к французскому методу кодификации в форме компиляций.

В частности, Д. В. Чухвичев подчеркивает: «С середины 90-х годов XX в. приемы и способы французской методологии применяются регулярно уже при кодификации достаточно больших отраслей права: при создании Таможенного кодекса, Трудового кодекса (а трудовые отношения в условиях многоукладной экономики и рыночных отношений гораздо более сложны, чем в советские времена) и некоторых иных кодификационных актов. Это наглядно отражается в формулировании статей, структурировании кодексов и т.д.» [26, с. 80].

Одной из отличительных особенностей французской методики кодификации является то, что кодексы создаются с таким расчетом, чтобы исключить использование иных источников права для регулирования соответствующей сферы отношений. Иными словами, планируемый кодификационный акт должен содержать разноотраслевое регулирование, полностью «закрывающее» потребность в юридическом нормировании всего комплекса отношений в соответствующей области.

В связи с этим усматривается следующая особенность французского законодательства: «...системные комплексные акты законодательства, создаваемые во Франции и иных государствах, применяющих схожую законодательную технику, остаются доминирующими; иных законов (и вообще нормативных правовых актов), кроме кодификационных, сравнительно немного» [26, с. 79]. Ярким примером этого и выступает французский Кодекс интеллектуальной собственности [27].

На основании изложенного сложно поддержать идею разработки Цифрового кодекса. Это связано с тем, что не получится закрепить все нормы цифрового права в одном кодификационном акте, исключив

использование иных источников права, например Гражданский, Уголовный, Трудовой кодексы РФ, КоАП РФ и проч. Механическое же объединение норм в едином акте лишит названный кодекс цельности и системности – мы получим просто свод некоторых законов, взаимосвязанность которых не во всех случаях будет очевидной.

М. А. РОЖКОВА,

*главный научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
профессор-исследователь Балтийского федерального
университета имени Иммануила Канта,
президент IP CLUB, член Экспертного совета
Комитета Государственной Думы по информационной политике,
информационным технологиям и связи,
доктор юридических наук*

Библиографический список

1. Ambrogi, Robert J. The Essential Guide to the Best (and Worst) Legal Sites on the Web. 2th edn. N.Y.: ALM Publishing, 2004 (Chapter 12).
2. DiGiacomo John. Internet Law: Everything You Need To Know. June 7, 2019 // URL: <https://revisionlegal.com/internet-law/internet-law-everything-you-need-to-know/>
3. Graham J.H. Smith. Internet Law and Regulation (Special Report). Fourth Edition. London: Sweet & Maxwell. 2007.
4. Grimmelmann, James. Internet Law: Cases & Problems. 7th edn. 2017.
5. Raysman Richard, Brown Peter. Computer Law: Drafting and Negotiating Forms and Agreements. N.Y.: Law Journal Seminars-Press, 1984.

6. Rosenoer J. Cyber Law: The Law of the Internet. Springer, 1997.
7. Курбалийя Й. Управление Интернетом (изд. 3). – М., 2010 // URL: <https://cctld.ru/files/books/IG-Russian-3rd.pdf>
8. Курбалийя Й. Управление Интернетом (изд. 7). – М., 2016 // URL: https://cctld.ru/files/books/kurbaliya_7.pdf
9. Computing Curricula 2005 – The Overview Report. 30 September 2005 // https://web.archive.org/web/20141021153204/http://www.acm.org/education/curric_vols/CC2005-March06Final.pdf
10. Lloyd I. Information Technology Law. 6th edn. Oxford University Press, 2011.
11. Левин В. О. История информационных технологий: учеб. пособие. – М., 2007.
12. Peter W. Martin, Digital Law: Some Speculations on the Future of Legal Information in Technology. May, 1995 // URL: <http://www.law.cornell.edu/papers/fut95fnl.htm>
13. <https://law.unimelb.edu.au/study/masters/specialist-legal-areas/digital-law-and-technological-innovation>
14. Балакин А. Интернет-право: актуальность, законодательный фундамент, возможность применения [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2012. 17 февраля. URL: https://zakon.ru/blog/2012/2/17/internetpravo_aktualnost_zakonodatelnij_fundament_vozmozhnost_primeneniya
15. Инфокоммуникационный кодекс: необходимый акт или лишний документ // URL: <https://pravo.ru/review/view/147324/>
16. Кодекс как предчувствие // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/15/5a58ccd99a79475bf73470c1>
17. Для России напишут «Цифровой кодекс» // URL: <https://iz.ru/news/669972>
18. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. – М.; Л.: АН СССР, 1947.
19. Толстой Ю. К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42-45.
20. Толстой Ю. К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1970.
21. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М., 1961. С. 93-101.
22. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. – Свердловск, 1972. С. 142-148.

23. Коваленко А. Ю. Комплексные отрасли права на современном этапе развития системы российского права // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 4.

24. Поленина С. В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5.

25. Абрамова А. И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12.

26. Чухвичев Д. В. Основные методики кодификации. Французская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8.

27. Рожкова М. А. § 1.1. Различия в понимании кодификации законодательства: сравнительно-правовой анализ // Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / Под общ. ред. М. А. Рожковой. – М.: Статут, 2018.